

«БАШНЯ ВЕСЕЛУХА» — РОМАН О СТАРОМ СМОЛЕНСКЕ

● Владимир ЗАХАРОВ, кандидат педагогических наук

Смоленск на страницах художественной литературы появляется не так часто, как можно было бы предположить, исходя из его роли в русской истории. К тому же в некоторых книгах события лишь формально привязаны к городу, а подчас дело вообще ограничивается одним названием, как, скажем, в старых романах «Путешествие в Смоленск» Никифора Бороградского или «Граф Обоянский» Николая Коншина. Другое дело — «На старой смоленской дороге» Н. И. Рыленкова или же некоторые, связанные со Смоленщиной романы и рассказы Н. А. Энгельгардта. Точные исторические, бытовые, топографические подробности сразу обнаруживают в них подлинных и неравнодушных знатоков нашего края. Подобные книги — всегда событие для местного читателя, они вызывают особенный интерес.

Именно к таким редким произведениям принадлежит забытый сегодня, странным образом не учтенный даже самыми дошными нашими краеведами и библиографами (в том числе дореволюционными) роман «Башня Веселуха или Смоленск и жители его шестьдесят лет назад», он вышел в трех частях в 1845 году в петербургской типографии К. Жернакова. В книге этой происходит много таинственных событий, но главная ее загадка — она сама, поскольку автор почему-то не счел возможным обнародовать свое имя и укрылся от нашего любопытства под интригующим псевдонимом «Смоленский старожил Ф. ф. Э.»¹.

¹ Башня Веселуха или Смоленск и жители его шестьдесят лет назад. Сочинение Смоленского старожилы Ф. ф. Э. Санкт-Петербург, 1845, в 8 д. л., 78+58+42 стр.

Появлению романа в 1845 году предшествовала настойчивая публикация отдельных его глав в петербургской периодике. В 1839 г. две первые главы печатаются в «Современнике», несколько других — в «Литературных прибавлениях» к «Русскому инвалиду». Спустя три года отрывок под названием «Странные слухи» появляется на страницах «Сына отечества». Похоже, роман был написан еще в 1830-е годы, а потом, как это частенько бывает и в наши дни, автор около десяти лет пробивался к читателю. Всякий раз при этом, в зависимости от времени публикаций, корректировался их подзаголовок: «Смоленск и жители его за пятьдесят пять лет», «пятьдесят девять лет» и, наконец, «шестьдесят лет назад». Запомним это стремление к точности, необычную хронологическую щепетильность «смоленского старожилы»: так ведут себя обычно историки, а не «вольные художники».

Роман «Башня Веселуха» не просто забыт. Выпущенный полтора столетия назад малым тиражом, он уже в ту пору был библиографической редкостью. Чтобы дать хотя бы самое общее понятие о книге, рассмотрим некоторые ее эпизоды, назовем основных героев и обозначим решающие узлы ее увлекательной и наивной интриги.

I

Морозным ноябрьским вечером 1783 года, когда над Смоленском разносился колокольный звон и обыватели спешили ко всеобщей, через Днепровские ворота в город въехал возок с молодым офицером, направленным, из Витебска по делам очередного рекрутского набора, это капитан Кайсанов. В ближайшей церкви — надворотней церкви Смоленской богородицы, куда он зашел помолиться, капитан знакомится с купеческим семейством Кубышкиных и получает от них приглашение на завтрашний обед (19) переночевав у дяди на Козловской горе и представившись «ночтенному и доброму генералу», — коменданту гарнизона — молодой человек спешит к Кубышкиным. Разумеется, не столько за сытным купеческим угощением, (икра, балык, кулебяка, настойка и даже «шимпанское»), сколько ради дочери их Наденьки, которую заметил еще в церкви и которая, по простодушному уверению автора, «была мила, прекрасна и умна, как все героини прежних, нынешних и будущих романов».

И в самом деле, было от чего потерять голову пылкому капитану! Выросшая у крестной матери в одном из лучших дворянских домов губернии, Наденька Кубышкина умеет играть на клавинодах, танцевать, знает по-французски, по-немецки и,

в Смоленске еще не видывали. Хозяева «плавали в кружевах и бархате, сняли алмазами, благоухали целым Парижем», гости сплошь — в домино, венецианах и масках. Танцы на всякий манер (длинная и круглая полька, английский променад и немецкая кадриль, ала-грек и алеман, хлопущка и уточка), карты на любой вкус (вист, комета, рокамболь, макао и три-три), фанты, розыгрыши, рассказы... Но ничто уже не помогает испуганному Смоленску. Даже на балу беспокойно на душе у гостей. И все разговоры так или иначе сворачивают к недавним событиям вокруг Веселухи.

Как в воду смотрели гости графа Змеявского!

Едва часовая стрелка подошла к цифре 12, в залу вбежал взволнованный плац-майор с известием, что на крепостной стене снова идет бесовский вертеп и что в городе паника... (115-116)

Начиная с этого момента роман быстро достигает своей кульминации, а затем бурно идет к развязке. Обрываем здесь свой рассказ. Добавим только, что читателя ожидают неожиданные события, сенсационные разоблачения, удивительные судьбы: похищение Наденьки Кубышкиной, загадочная смерть городской гадалки Ивановны, последняя исповедь послушника Троицкого монастыря Иоанникия, преданный муж, подкинутый ребенок, найденный отец. Читатель промчится на четверке лошадей по рославльскому столбовому тракту, побывает в темных дорогобужских лесах, спустится в подземные катакомбы Смоленска. Произойдут удивительные превращения: гордый аристократ окажется проходимцем, безродная девушка — именитой дворянкой, графиня закончит свои дни жалкой нищенкой в лачуге у Егорьевского ручья. Выяснится, наконец, и зловещая тайна башни Веселухи, будет уничтожено все, что связано с ее привидениями.

Вот с тех-то самых пор и не стало в нашем городе ни ведьм, ни чертей, ни загадочных происшествий.

II

Не исключено, что в «Башне Веселухе» сказалось обаяние от недавно вышедшей пушкинской «Капитанской дочки». У них есть целый ряд близких мотивов, ситуаций, сюжетных ходов: екатерининская провинциальная Россия, старая крепость с комендантом и престарелыми инвалидами как время и место действия, прибытие молодого офицера (Гринев — Кайсанов), его любовь к миловидной и скромной девушке, сиротское ее положение (Маша Миронова — Наденька Кубышкина), бесчестный соперник, который так или иначе связан с главным «зло-

деем» произведения, разлука влюбленных и финальное их соединение. Можно прибавить к этому, что отец Кайсанова, подполковник Оренбургского линейного полка, погиб десять лет назад в стычке с Пугачевым.

Разумеется, не может быть никакого сближения с «Капитанской дочкой» как художественным произведением. Как писателю (особенно ясно это видно в исповеди Иоанникия), смолянину ближе давняя традиция сентиментально-мелодраматических повестей карамзинского времени с их прямолинейной схемой добра и зла, трогательными любовными историями, с наивными «говорящими» фамилиями героев: граф Змеявский, купцы Кубышкин и Наживкин, подьячий Цапкин, подторгывающий на выборах голосами бывший прокурор Хватайко, мелкопоместный шляхтич Пустопольский, «профессора картежного дела» Фирюлькин и Хлыстиков. Издатели «Веселухи» были совершенно правы, назвав ее «старосветским романом», а автора — «дарованием, опоздавшим почти целою половиною столетия». Хотя, довольно бойкая, добродушная повествовательная манера, живые, подчас даже остроумные бытовые эпизоды намедали все же некоторую связь с новой литературой, с современными читательскими запросами. Таково в романе описание закулисного торга голосами избирателей у графа Змеявского, проделок карточной шайки во главе с легкомысленным Евграфом Щелкачёвым, гаданий колдуньи Ивановны, «тонкой» дипломатии почтмейстера при посещении им Кубышкиных и др. Даже беспощадный Белинский признал, что у «старожила» — «складный рассказ». «Даровитый рассказчик, но неопытный писатель», — говорится в редакционном примечании. Видимо, это и есть самая подходящая для «смоленского старожила» формула.

Так стоит ли нам ворошить далекое прошлое и вспоминать забытую книгу и ее неизвестного автора? Стоит. Больше того, сегодня она даже любопытнее и нужнее, чем в свое время. Запечатленная в романе жизнь старинного Смоленска, его атмосфера, типы, нравы несомненно вызовут интерес. Тем более что именно в этом отношении «Башня Веселуха» — книга нестандартная, даже редкая. Она необыкновенно достоверна в описании места и времени действия. Писатель имел полное право на свой псевдоним. Он досконально знает Смоленск, он пишет, как непосредственный свидетель, казалось бы, давно исчезнувшей жизни. Строго говоря, книга даже перенасыщена мелкими местными реалиями, они затягивают рассказ, замедляют действие, снижают художественный эффект. И это при том, что издатели уже и так почти на одну треть сократили объем книги за счет

«утомительных» для них «подробностей». Однако то, что казалось лишним петербургским ценителям изящной литературы в прошлом веке, способно вызвать повышенный интерес у смоленского читателя наших дней, у всех, кому небезразлична история их «малой родины» — тем более у краеведов.

Мы уже отмечали необычную хронологическую щепетильность «смоленского старожила». Это не случайность. Он действительно стремится поместить своих выдуманных героев в обстановку реального Смоленска 1783 года, окружить их реальными людьми этого времени. Удачливый соперник Змеявского на дворянских выборах Степан Юрьевич Х-й — и мельком упомянутый брат его, губернатор, — это несомненно знаменитые в ту пору братья Храповицкие, Платон и Степан. Их хорошо знала и ценила сама Екатерина II. Братья в самом деле исправляли названные губернские должности в 1780-е годы. В Успенском соборе ведет литургию памятный в епархии преосвященный Парфений (Сопковский). Упомянуты в романе такие хорошо известные здешние фамилии, как Аршеневские, Мещерские, Вяземские, Гурки-Ромейки, Друцкие-Соколинские, Повало-Швейковские, Огонь-Догановские, Станкевичи, Рачинские, Кашталинские, Вонлярлярские, Потемкины, Гедеоновы, Якушкины, Глинки, Путяты и др.

Столь же достоверен роман «Башня Веселуха» в своих топографических описаниях и упоминаниях. Читая его, мы словно бы совершаем экскурсию по стародавнему Смоленску: заходим в деревянную часовню над Днепровскими воротами и в скромный домик на Козловской горе, поднимаемся по булыжной мостовой Большой улицы (нынешняя Большая Советская) и переправляемся Троицким мостом через глубокий ров под Успенским собором (был засыпан в XIX веке). С особым чувством выписана «старожилом» крепостная стена — в ту пору, когда еще были невредимы большинство ее зубцов и башен и в них размещались склады гарнизонного снаряжения — под охраной дослуживающих свой век солдат-ветеранов. Роман рассказывает нам, как одевались смоленские щеголихи, какие в ту пору разводили цветы, каково было годовое содержание коменданта (750 руб.) и сколько стоил фунт хлеба и говядины (1 и 3 копейки).

Интерес наших краеведов вызовет, по-видимому, и описание тех забав, потех и зрелищ, которыми скрашивали свой быт смоляне екатерининского века, — оно содержит как уже известные (из дневниковых записей Никифора Мурзакевича), так и новые любопытные сведения по ранней истории театрального дела в Смоленске. На эту тему в романе довольно много «тарантят и

щебечут» две купчихи: Аграфена Кузьминична и Лукерья Тихоновна. Еще в 1780 году, вспоминают они, при проезде через город Екатерины II на лужайке за Молоховскими воротами было возведено специальное зрелищное здание под пышным названием «Оперный дом». Его посещала в основном дворянская публика, играли тоже «благородные актеры», в том числе даже одна из дочерей генерал-губернатора князя Репнина. «А в прошлом годе,— прибавила Аграфена Кузьминична,— когда стояли у нас полевые полки, был здесь и ТИЯТР. За городом, на Покровской горе, смоленского полку полковник князь Долгоруков приказал сделать из хвороста шалаш, в котором представляли разные комедии. Все чиновники и дворяне с фамилиями ездили туда смотреть безденежно». Ставили на Покровской горе,— добавила Наденька,— комедии «Так и должно» и «Нарцисс». Актеров набирали из офицеров и унтер-офицеров, в том числе и на женские роли. Впрочем, был в самодеятельной труппе и один профессионал — некто Семичев, попавший в армию из придворных артистов. Бывали в старом Смоленске и представители марионеток — «выпускные куклы», как называет их Лукерья Тихоновна.

Разумеется, роман нельзя рассматривать как абсолютно надежный источник. Однако совпадение многих подробностей с уже известными историческими фактами вызывает доверие и ко всему остальному — кроме, конечно, явно придуманных центральных героев и фабулы. И сама «тайна Веселухи», судя по всему, восходит к популярной смоленской легенде XVII века, появившейся после польской осады 1609—1611 годов.

Таков этот не знакомый смолянам роман неизвестного автора о Смоленске. Время меняет акценты и угол зрения. Отходит на задний план надуманная авантюрная интрига, а на первый выступает историческая и этнографическая фактура романа, развлекательное произведение начинает восприниматься как исторический, даже своего рода краеведческий роман, становится ценным пособием по Смоленску XVIII века, по жизни старинного русского города вообще.

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

«Башня Веселуха или Смоленск и жители его» будет опубликована в 1992 году в первых номерах журнала «Край Смоленский».